

В.А. Кожевников

**Буддизм в сравнении с христианством. часть
1**

Москва
«Книга по Требованию»

В.А. Кожевников

В11 Буддизм в сравнении с христианством. часть 1 / В.А. Кожевников – М.: Книга по Требованию, 2024. – 643 с.

ISBN 978-5-458-24676-7

Кожевников Владимир Александрович (1852-1917), русский историк культуры, публицист. В 1868-1873 был вольнослушателем Московского университета. В 1875 г. в библиотеке Румянцевского музея Кожевников познакомился с Н. Ф. Федоровым и стал его последователем. В течение 14 лет (с 1880) изучал историю культуры и философию в крупнейших библиотеках Европы. Коллекционировал редкие книги, впоследствии завещал свою библиотеку (8 тыс. т.) Румянцевскому музею. В конце 1900-х годов Кожевников сближается с группой московских богословов и религиозных философов. Итогом религиозно-философских изысканий Кожевникова стала книга "Буддизм в сравнении с христианством", в основу которой были положены публичные лекции, читанные автором в Медведниковской гимназии в Москве и в собраниях "Кружка ищущих христианского просвещения" в 1908-1909 гг. Они были направлены, в первую очередь, против тех направлений в европейской религиозной мысли, которые начали оказывать влияние и на умы в России апологией буддизма, пытаясь поставить под вопрос и прямо принизить уникальность христианской религии. Кожевников полемизирует с леворадикальной библейской критикой фон Бунзена, автора «Евангелия Иисуса в его отношениях к сказаниям о Будде и учению Будды» (1882) Зейделя, Эдмундса и других. Лекциям предшествовало углубленное изучение автором биографий Будды и сравнительно-религиоведческой литературы тех лет.

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая работа выросла изъ ряда лекцій, читанныхъ въ Москвѣ, въ 1908—9 г.г., сначала—на собраніяхъ «Кружка ищущихъ христіанскаго просвѣщенія», а затѣмъ—на публичныхъ чтеніяхъ для студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній и слушательницъ женскихъ курсовъ, въ залѣ Медвѣдниковской Гимназіи. Приступая къ исполненію высказаннаго нѣкоторыми лицами желанія видѣть эти лекціи напечатанными, я первоначально намѣревался ограничиться лишь небольшими добавленіями къ нимъ, преимущественно библіографическаго свойства. Но, по мѣрѣ углубленія въ работу, выяснилась необходимость расширенія ея въ двухъ направленіяхъ, а именно: во-1), разсмотрѣніемъ связи между характеромъ, жизнью и дѣятельностью Будды и общими условіями предшествующей и современной ему индусской культуры. а во-2), включеніемъ въ изложеніе возможно большаго количества данныхъ, почерпнутыхъ непосредственно изъ столь обширной, но еще столь мало извѣстной и трудно доступной буддійской словесности. То и другое предписывалось и характеромъ работы по существу, и нѣкоторыми соображеніями сторонняго свойства. Какъ ни велики для изслѣдователя исторіи и ученія буддизма трудности одолѣнія огромнаго подлежащаго матеріала, онѣ все же, думается, уступаютъ первенство иной трудности, усвоенію того своеобразнаго духовнаго настроенія, которое вызвало буддизмъ и опредѣлило его направленіе и судьбу. Настроеніе это настолько отлично отъ преобладающаго европейскаго міро- и жизневоззрѣнія и даже противоположно ему; всѣ идеи, съ которыми приходится здѣсь разбираться, всѣ способы разсужденія и выводы изъ нихъ, всѣ предположенія и предрасположенія въ области мысли и чувства настолько не схожи съ обычными намъ, что нельзя не согласиться съ мнѣніемъ

Уоррена по этому поводу: «пока остаешься въ области этого міровоззрѣнія и жизнепониманія, чувствуешь себя непрерывно какъ бы блуждающимъ въ какой-то фантастической, зачарованной странѣ». Недостаточно уяснить себѣ происхожденіе своеобразностей буддизма: надо, насколько для иноземца возможно, сблизиться съ ними путемъ частаго и долгаго общенія, чтобы, хотя до нѣкоторой степени, сродниться съ ними и въ такомъ конгеніальномъ воспріятіи и сліяніи получить разгадку ихъ вычурной на видъ, но едва постижимой тайны.

Въ этомъ-то смыслѣ и представлялось необходимымъ вышеупомянутое, двойное расширение и углубленіе избранной темы изслѣдованія: изложеніе жизни и дѣятельности Будды потребовало выполненія на фонѣ общеиндусской культуры, ибо только такимъ образомъ можно было выяснитъ происхожденіе буддизма и опредѣлить, въ какой мѣрѣ онъ является твореніемъ личной геніальности своего основателя, и въ какой—слѣдствіемъ совокупности предшествовавшихъ ему или окружавшихъ его условій; включеніе же въ работу обильныхъ текстовъ изъ первоисточниковъ оказывалось необходимымъ для того, чтобы, при посредствѣ ихъ, можно было свыкнуться съ самою атмосферою буддійскаго міровоззрѣнія и жизнепониманія, освоиться и сжиться съ нею гораздо ближе и интимнѣе, чѣмъ это возможно при замѣнѣ свидѣтельства самихъ памятниковъ далекихъ вѣковъ пересказомъ ихъ въ современномъ духѣ и современной намъ рѣчью.

Выполненіе этого условія работы должно казаться русскому разслѣдователю буддизма тѣмъ необходимѣе, что, за исключеніемъ знатоковъ-оріенталистовъ, большинству русской читающей публики, несмотря на замѣчающійся въ ней интересъ къ буддизму, произведенія буддійской словесности остаются трудно доступными или совсѣмъ недоступными, за неимѣніемъ въ русскихъ изданіяхъ такихъ сборниковъ буддійскихъ текстовъ, какъ Warren, *Buddhism in translations*, Seidenstücker, *Pāli-Buddhismus* или Dutoit, *Leben Buddha's*, а наши общедоступныя сочиненія о буддизмѣ, за очень немногими исключениями ¹⁾, обнаруживаютъ далеко недостаточное знакомство

---

¹⁾ Даже солидному труду проф. А. И. Введенскаго, *Религіозное сознание язычества*, Т. I, въ отдѣлѣ о буддизмѣ можно было бы пожелать болѣе детальнаго обращенія къ первоисточникамъ. Что касается статей „Христіанская религія и буддизмъ“ (Миссіонерск. Обзор. 1911 г.), то при составленіи ихъ авторъ явнѣе возможнымъ обойтись даже безъ

съ первоисточниками какъ ученія буддизма, такъ и его исторіи. Между тѣмъ обиліе появляющихся за послѣднее время популярно-изложенныхъ книгъ, въ которыхъ, какъ, на примѣръ, въ касающихся необуддизма и теософіи, идеи и тенденціи первоначальнаго буддизма нерѣдко передаются въ очень неточномъ, а иногда и въ совсѣмъ превратномъ видѣ, создаетъ для читателей, незнакомыхъ съ памятниками буддійской словесности, серіозную опасность получить искаженное понятіе о подлинномъ буддизмѣ,—обстоятельство тѣмъ болѣе важное, что увлеченіе необуддизмомъ и въ особенности теософіей, во многомъ соприкасающагося съ буддизмомъ, начинается получать у насъ, по примѣру Запада, уже и не малое практическое, жизненное значеніе. Вотъ почему я, въ связи съ изложеніемъ жизни и дѣятельности Будды, обильныя выдержки непосредственно изъ обширной сокровищницы буддійской словесности представлялось автору не бесполезной и своевременной задачей, и главнымъ образомъ ради заполнения этого пробѣла въ русской литературѣ о буддизмѣ, онъ и рѣшился на самостоятельную попытку дать обзоръ жизни и дѣятельности Будды послѣ образцовой по научной основательности и классической по содержательной сжатости изложенія книги Ольденберга и еще болѣе краткихъ, но знатоками предмета написанныхъ очерковъ Ризъ-Дэвидса и Пишеля.

Добавочнымъ побужденіемъ къ моей работѣ было желаніе противодѣйствовать вышеуказаннымъ, объективнымъ способомъ тѣмъ грубо ошибочнымъ представленіямъ о сходствѣ буддизма съ христіанствомъ и о вліяніи перваго на второе, которыя находятъ такое широкое и нерѣдко сочувственное распространеніе, благодаря массѣ непрерывно умножающихся книгъ и книженокъ на эту «пикантную» тему. Послѣ обильныхъ апологетическихъ произведеній, имъ противопоставляемыхъ, мнѣ казалось все же, что наилучшимъ опроверженіемъ относящихся сюда недоумѣній и заблужденій можетъ быть не столько вновь и вновь повторяемое разъясненіе хорошо извѣстныхъ идей и тенденцій христіанства, сколько точное, на первоисточникахъ основанное ознакомленіе съ буддизмомъ въ его подлинныхъ чертахъ, непринараженныхъ и неподмалеванныхъ

собраній рѣчей Будды, изданныхъ въ переводахъ Ризъ-Дэвидсомъ, Нейманомъ и другими. Очень старательную попытку широкаго использования памятниковъ буддійской словесности должно привѣтствовать въ лицѣ книги Д. В. Горехова. Буддизмъ и Христіанство. Кіевъ 1914.

необуддійскою и иною пропагандою. Вотъ почему свое сравненіе буддизма съ христіанствомъ я, насколько умѣлъ, старался проводить не путемъ сопоставленія мелкихъ деталей и не полемическимъ обличеніемъ буддизма, а путемъ разоблаченія его существенныхъ основъ, тенденцій и цѣлей, настолько противоположныхъ христіанскимъ, что послѣ освоенія съ ними вопросъ о мелкихъ аналогіяхъ и случайныхъ, самобытно возникавшихъ совпаденіяхъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ, представляется уже лишеннымъ значенія. Къ сожалѣнію, не вездѣ оказалось возможнымъ ввести въ описаніе жизни Будды и санги нѣкоторые, относящіеся къ данному вопросу параллельные экскурсы въ область христіанской церковной исторіи; нѣкоторые обзоры этого рода (напримѣръ: христіанской монашеской организаціи, христіанской аскетики сравнительно съ буддійскою, отношеній Церкви къ мірянамъ и женщинамъ) пришлось, по причинѣ ихъ объема, отнести въ отдѣлъ приложений къ III-й части.

Первые два тома моей работы обнимаютъ собою обзоръ матеріаловъ, положенныхъ въ ея основу, а затѣмъ жизнь и легенду Будды и очеркъ организаціи, быта и духовной жизни созданной имъ общины. Если въ ходѣ изложенія я позволилъ себѣ слить описаніе жизни Будды съ описаніемъ санги, то сдѣлалъ это въ силу неразрывной связи творенія Будды, его общины, съ судьбою ея творца, и потому, что безъ разсмотрѣнія этого видимаго, конкретнаго созданія Будды изученіе и самой его жизни лишилось бы своего главнаго содержанія и интереса. Въ отличіе отъ преобладающаго у многихъ писателей о буддизмѣ пренебрежительнаго отношенія къ легендарной сторонѣ жизнеописаній Будды, я счелъ нужнымъ подвергнуть ее тщательному разсмотрѣнію, въ виду того, что для исторической судьбы буддизма и его трансформаций изъ атеистической нравственной доктрины въ религіозную систему легендарныя сказанія и представленія о Буддѣ имѣли ничуть не менѣе, а, вѣрнѣе, даже болѣе важное значеніе, нежели крайне скудныя историческія данныя о его личности и жизни. Насколько реальныя черты важны для опредѣленія буддизма, каковъ онъ *былъ* первоначально, настолько же легендарныя черты важны для уясненія его дальнѣйшей эволюціи, для того, чтобы понять какимъ, и почему такимъ, онъ *сталъ* въ послѣдствіи. Особенное вниманіе старался я обратить на исторію возникновенія и развитія буддійской общины и ея внѣшней

и внутренней организаціи, такъ какъ въ литературѣ о буддизмѣ, даже и западной, эта сторона его до сихъ поръ оставалась сравнительно мало разработанною.

Что касается ученія Будды, то генезисъ, развитіе и анализъ его, такъ же, какъ и сравненіе его основныхъ началъ и тенденцій съ христіанскими, составитъ содержаніе третьей и послѣдней части моего труда, подготовляемой къ печати. Если не дожидаясь ея окончанія, я рѣшаюсь выпустить въ свѣтъ два первыхъ тома своей работы, то дѣлаю это отчасти во вниманіе къ своему возрасту и состоянію здоровья, отчасти же и потому, что издаваемое сейчасъ, по плану и содержанію, представляетъ, думается, достаточно законченное, самостоятельное цѣлое, причемъ однако я просилъ бы имѣть въ виду, что встрѣчающееся въ двухъ первыхъ частяхъ попутно съ жизнеописаніемъ Будды изложеніе нѣкоторыхъ сторонъ его ученія носитъ, въ соотвѣтствіи съ планомъ работы, характеръ изложенія, не исчерпывающаго темы, а лишь предварительнаго и эпизодическаго.

Мнѣ остается повѣнчиться предъ моими читателями въ тѣхъ недостаткахъ и ошибкахъ, къ которымъ невольно могло приводить незнаніе мною палійскаго языка ¹⁾. Какъ ни велико въ настоящее время количество буддійскихъ текстовъ, переведенныхъ на европейскіе языки, и какими бы мастерами дѣла ни были выполнены эти переводы, имъ все же не замѣнить, конечно, достоинства подлинниковъ. Извѣстны трудности точной передачи обозначенія цѣлаго ряда буддійскихъ понятій, нерѣдко совсѣмъ неподдающихся ресурсамъ европейской терминологіи; извѣстны и широкія расхожденія даже лучшихъ оріенталистовъ въ истолкованіи такихъ терминовъ. Въ полной мѣрѣ ясна, слѣдовательно, для меня отвѣтственность изслѣдователя, лишеннаго возможности провѣрить детали своей работы непосредственно по подлиннымъ текстамъ. Если тѣмъ не менѣе, послѣ долгихъ колебаній, я все же рѣшился издать свой трудъ, то лишь потому, что обиліе другихъ книгъ, возникшихъ при сходныхъ и даже худшихъ условіяхъ, размножило ошибочныя свѣдѣнія и ложныя представленія о буддизмѣ до такой степени, что противопоставить имъ обзоръ жизни и дѣятельности Будды на основаніи возможно болѣе

---

¹⁾ Опечатки и ошибки въ транскрипціи санскритскихъ и палійскихъ словъ прошу исправить по указателямъ, приложеннымъ къ книгѣ.

полнаго подбора и старательнаго использованія первоисточниковъ, хотя бы и не въ оригиналѣ, представлялось задачею не бесполезною и своевременною, впредь до того момента, когда какъ это было бы желательно, за ту же тему взялся бы кто-либо изъ вполне компетентныхъ въ области буддійской словесности нашихъ почтенныхъ ученыхъ ориенталистовъ.

Буддизмъ въ сравненіи съ христіанствомъ *).

I.

Значеніе сравнительнаго изученія религій вообще и въ примѣненіи къ христіанству.

ПРОГРЕССУ историко-критическаго пониманія религій во второй половинѣ XIX вѣка, несомнѣнно, въ значительной степени содѣйствовало сравнительное изученіе религій. Позднее развитіе этой области знанія объясняется сложностью необходимой, предшествующей ей, подготовки. Собираніе, детальное изученіе и критическая обработка огромнаго, разнообразнѣйшаго лингвистическаго, археологическаго и этнографическаго матеріала потребовали долгаго времени и напряженнаго труда прежде, чѣмъ началъ слагаться та новая отрасль знанія, которая получила на Западѣ назва-

*) Предлагаемыя статьи составляютъ рядъ лекцій, читанныхъ сокращенно, въ Москвѣ, въ 1908—9 гг., сначала—на собраніяхъ „Кружка ищущихъ христіанскаго просвѣщенія“, а затѣмъ — на публичныхъ чтеніяхъ для студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній и слушателей женскихъ курсовъ въ залѣ Медвѣдниковской гимназіи. Благодарный пріемъ, оказанный этимъ чтеніямъ, побуждаетъ сохранить въ существующихъ чертахъ, и въ настоящихъ статьяхъ планъ и первоначальную форму изложенія; присоединяемыя же подстрочныя примечанія имѣютъ главнымъ образомъ цѣлью ознакомить лицъ, незанимавшихся спеціальнымъ изученіемъ буддизма, съ его не легко доступными источниками и библіографіей. Отнюдь не претендуя на исчерпывающую полноту, я полагаю, однако, что указанія на важнѣйшіе матеріалы и критическіе труды дады въ степени, достаточной для обозначенной цѣли.

В. А. КОЖЕВНИКОВЪ.

ніе сравнительной науки о религіяхъ и которую, примѣняясь къ духу русскаго народнаго пониманія, я позволю себѣ называть сравнительнымъ вѣровѣдѣніемъ.

Но если велики были труды, велика оказалась и ихъ награда. Только этимъ путемъ могли быть исправлены преобладавшія до тѣхъ поръ произвольныя и поверхностныя точки зрѣнія на религію: отвлеченно-деистическая и тенденціозно-раціоналистическая. Деизмъ, умозрительно, безъ справокъ съ дѣйствительностью и съ исторіей, строившій на поверхностныхъ нравственныхъ соображеніяхъ свою узкую, безжизненную схему будто бы «естественной» религіи и огульно относившій все, невмѣщавшееся въ его формулу, къ суетвѣріямъ, искаженіямъ или расчетамъ заинтересованныхъ лицъ.—деизмъ, уже и раньше обличенный Юмомъ съ философской стороны и Гердеромъ—съ исторической, лишился окончательно почвы при соприкосновеніи съ точными данными сравнительнаго вѣровѣдѣнія. Предполагаемая первоначальная «естественная» религія оказалась совершенно неестественной гипотезой предубѣжденныхъ умовъ новѣйшихъ временъ, а большая часть того, что выдавалось за выдумку, искаженіе или злоупотребленіе, предстало въ видѣ естественныхъ, а иногда и единственныхъ исторически-возможныхъ отвѣтовъ на дѣйствительныя потребности соотвѣтствующей поры развитія человѣчества.

Съ другой стороны, тѣмъ же путемъ, безъ полемическаго задора, опровергаемый одними фактами историческаго опыта, палъ длинный рядъ тенденціозныхъ предубѣжденій раціонализма относительно религіи. Развѣтіе вѣрованій, ученія и устройства церкви, культа и религіозной нравственности оказались далеко не такими простыми и стройными, какими ихъ изображали въ систематическомъ построеніи философскихъ умовъ. Явленія эти пришлось изучать не по заранѣе предначертанной, отвлеченной и тенденціозной схемѣ, а реально, шагъ за шагомъ, наблюдательнымъ и сравнительнымъ историческимъ методомъ.

Отъ этихъ новыхъ научныхъ приѣмовъ изслѣдованія общее пониманіе и оцѣнка религіи значительно выиграли. Съ непрекаемою убѣдительностью выяснилась прежде всего повсемѣстная и неуничтожимая *психологическая* потребность въ религіозномъ началѣ. И этимъ всемірно засвидѣтельствованнымъ фактомъ установилась *самобытность и первоначальность* тѣхъ духовныхъ запросовъ, которые составляютъ жизненный

первъ всѣхъ религій; установилась. иными словами, *независимостъ* ихъ происхожденія отъ философіи и науки съ одной стороны и отъ чистой этики—съ другой. Обнаружилось, что религія не есть выводъ, не есть постулатъ научнаго знанія или нравственности, не есть и замѣна (суррогатъ) или подмѣна (фальсификатъ) ихъ, а что она—своеобразная, самобытная, цѣлостная, самодовлѣющая сторона человѣческаго духа. Очевидно стало, что она обнимаетъ собою, конечно, высшіе вопросы и знанія, и нравственности, но не исчерпываетъ ими одними своего содержанія, въ которомъ все это—лишь части болѣе емкаго цѣлаго. Цѣлое же, съ своей самобытной точки зрѣнія, изъясняетъ и обнимаетъ всѣ стороны человѣка, міра и жизни въ самомъ величавомъ пзѣ обобщеній, а именно: не въ механическомъ только сопоставленіи, а въ *органическомъ* объединеніи понятій, ощущеній и (что особенно важно!) активных переживаній начала Божественнаго.

Такимъ образомъ совершенно невозможнымъ стало *научно* поддерживать любимыя мысли «просвѣщенія» XVIII вѣка и воинствующаго невѣрія XIX-го, будто религія есть личное созданіе отдѣльныхъ мудрецовъ, либо кастовое—жрецовъ, и что своимъ успѣхомъ она обязана съ одной стороны—певѣжеству, а съ другой — его эксплуатаціи политическимъ или инымъ расчетомъ. Выяснилось, наоборотъ, воспитательно-образовательное, просвѣтительное и нравственно-облагораживающее значеніе всѣхъ тѣхъ религій, что могутъ быть названы всемірно-историческими. Сравненіе же ихъ съ другими, только мѣстными, узко-національными или мелко-партійными, сектантскими обличило пристрастность пріема, еще и теперь нерѣдкаго въ противурелигіозной полемикѣ: ставить достоинство *всѣхъ* религій въ идейномъ и нравственномъ отношеніяхъ приблизительно на одинъ и тотъ же уровень.

Выяснилась, наконецъ, способность религіознаго начала къ росту и видоизмѣненію повсюду, но въ предѣлахъ очень различныхъ, смотря по свойствамъ каждой религіи. И это сравненіе духовнаго богатства отдѣльныхъ религій и ихъ способности развиваться и соотвѣтствовать росту цивилизаціи привело къ новой, уже *общекультурной* переоцѣнкѣ значенія религій примѣнительно не къ одному прошлому, но и къ настоящему и будущему. Религія, разсматривавшаяся раньше вѣрующими какъ сплошное, всецѣло сверхъестественное явленіе въ еврействѣ и христіанствѣ, и какъ почти сплошное за-

блужденіе въ остальныхъ случаяхъ, а невѣрующими — какъ явленіе вообще отрицательнаго или лишь временно-терпимаго свойства, — религія, не утрачивая, въ смыслѣ Божественнаго Откровенія, своего исключительнаго значенія, получила отнынѣ новую оцѣнку и въ общемъ культурно-историческомъ процессѣ, какъ необходимая его часть и даже какъ его величайшая, умственно-просвѣтительная и нравственно-воспитательная сила.

И еще разъ, лицомъ къ лицу съ этимъ свидѣтельствомъ племенъ и вѣковъ, для ума дѣйствительно просвѣщеннаго и непредубѣжденнаго стало невозможнымъ, безъ риска быть исторически-отсталымъ въ сужденіи, говорить въ наши дни о религіи, какъ о чемъ-то призрачномъ, лишенномъ реального содержанія. или какъ объ отжившемъ, либо обреченномъ на близкую смерть. «Сумерки боговъ», такъ давно уже возвѣщенные тусклымъ «просвѣщеніемъ» односторонняго раціонализма и приземистаго матеріализма, «сумерки боговъ» для душъ вдумчивыхъ, «горѣ имѣющихъ сердца», — не переходъ въ ночь отчаянія. въ непроглядную тьму невѣрія! Это только предразсвѣтныя полутѣни. это лишь сквозистые утренніе туманы умовъ и сердецъ, жаждущихъ свѣта, пробивающихся пѣтлей сомнѣній на просторъ, къ яснои зарѣ незакатнаго солнца истины и правды!..

Результаты сравнительнаго изученія религій оказались въ общемъ выводѣ благоприятными для христіанства. Именно благодаря ближайшему ознакомленію съ другими вѣрованіями, особенно ярко выяснилась и цѣнность христіанства по существу, и величіе его исторической задачи, и его огромныя культурныя заслуги. настолько, что, по замѣчанію очень свободомыслящаго знатока сравнительнаго вѣровѣдѣнія. Гаппеля, высшей похвалою для не-христіанскихъ религій остается ихъ совпаденіе въ чемъ-либо съ христіанствомъ¹⁾. Если въ индуистскихъ Ведахъ и Упанишадахъ, въ египетской «Книгѣ Мертвыхъ», въ ассиро-вавилонскихъ гимнахъ и мифахъ, въ парсійской Авестѣ и буддійской Трипитакаѣ мы, среди человѣческаго и даже (вспомнивая бойкое слово Ницше) среди «слишкомъ ужъ человѣческаго», научились различать вѣяніе божественнаго, — то, рядомъ съ этимъ полусвѣтомъ, съ этою полутѣнью, полуденное сіяніе «Свѣта Тихаго», Евангелія Спасителя міра разливается еще ярче, еще шире. еще теплѣе и живопоснѣе.

¹⁾ Гаппел. Das Christenthum und die heutige vergleichende Religionswissenschaft. Leipzig, 1882. 23.